

ГАЛИНА РОМАНОВА

БЕЗ
ВИНЫ
ПРЕСТУПНИЦА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 **Без вины преступница** : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190971-0

Так бывает: жизнь, размеренная и рассчитанная, казалось, на годы вперед, неожиданно дает сбой, и все планы, и даже сама любовь летят в тартарары. Можно смириться, если виновница всех бед — ты сама, стоит бороться, если отвечать приходится за ошибки, которые ты совершила в прошлом. Но как прикажете жить, если судьба велит расплачиваться за долги, о которых ты даже не подозревала, потому что в семье тебе всегда вралли о прошлом? О том, что она дочь опасного преступника, Ольга узнала случайно, пытаясь вернуть своего непутевого жениха. Но как после всего, что она узнала, вернуть веру в то, что достойна счастья?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190971-0

ПРОЛОГ

— Может, я могу быть еще чем-то полезен? — Молодой человек шумно сглотнул и добавил: — Вам.

Молодой человек был симпатичным, невероятно симпатичным. На его взгляд, подбородок мог быть более мужественным, а нос не столь изящным, но женщинам такие типажи нравятся. И не смущает их, глупых, что мускулатура у парня хлипкая и душонка мелкая. Конечно, они же видят только смазливую мордашу, слышат нежный голос и верят ему, бесконечно верят.

А он сам верил этому парню?

Он поиграл бокалом с виски, покрутил его в пальцах и снова внимательно оглядел парня.

Высокий, стройный, смазливый, исполнительный, готов ради денег на многое. Смотрит чисто, открыто, искренне.

Только вот преданности нет в этом взгляде. А это важно. Точно так же он станет смотреть и на другого работодателя, и на третьего. На любого, кто заплатит больше.

Нет, таким, как этот, верить нельзя. Его можно использовать, это несомненно. Он все сделает правильно, точно, без ляпов, но...

Но ведь предаст, подлец! При первом удобном случае предаст. Так рисковать он не может. Поэтому решил для себя: парень — материал списанный.

— Может, я и дальше могу быть вам полезен? — повторил гость настырно. — Кажется, я доказал свою способность...

Парень запнулся, подыскивая приличную замену слова «убивать». Нашелся, ты смотри.

Повертел покрасневшей шеей и выдал:

— Мне кажется, я доказал вам свою способность устранять помехи совершенно без всяких проблем. И следов.

Браво. Аплодисменты. Вот это вывернул! Предумышленное убийство с длительными пытками он назвал устранением помех. Вот это цинизм. Вот это мастер.

Он хмыкнул и пригубил из стакана, хотя пить в эту минуту не хотелось совсем. Сделал это больше для того, чтобы укрыться от настороженного взгляда молодого человека.

Он не был дураком, этот тихий подлый убийца, вползающий к вам в дом и в душу под видом милого добряка. Он был очень, очень опасным. И для него он когда-нибудь станет представлять опасность.

Поэтому?..

Поэтому от него надо будет в скором времени избавиться. Тихо, не наследив, как он это умеет.

— Не исключено, что в скором времени ты мне снова понадобишься, — соврал он не моргнув глазом.

— Спасибо! — выдохнул молодой человек с явным облегчением. Как будто он ему только что предложил подписать невероятно выгодный контракт, а не перспективу очередного убийства. — Большое спасибо! Вот увидите, я не подведу.

— Хорошо, хорошо, — поморщился он и отставил в сторону стакан. — Главное, не суетись. И никакой спешки. Пусть все идет своим чередом. Так, как шло.

— Постойте! — Шея парня вытянулась из воротника толстого модного свитера. — Вы хотите сказать, что мне и дальше продолжать с ней... С ней жить?

— Да.

— Но как же так? Я не могу уже! Она мне противна, понимаете?

Парень разнервничался так сильно, что перестал себя контролировать и даже бросил пару сердитых взглядов в его сторону.

Ага, вот он и попался. Чуть что не по нраву, так сразу и уважение, и покорность побоку? Все правильно он насчет этого нахала решил, все путем.

— Я все понимаю. — Снисходительная улыбка в его сторону. — Конечно, понимаю. Это ненадолго, поверь. Но если ты сейчас сразу исчезнешь из ее жизни, это будет выглядеть подозрительно. Согласен?

Молодой человек ненадолго задумался. Потом нехотя кивнул:

— Да, вы правы, так сразу нельзя. Но...

— Поверь, это продлится недолго.

И про себя добавил: «Как и вся твоя ничемная подлая жизнь».

А вслух сказал:

— Пару месяцев придется потерпеть. А потом будешь свободен. Абсолютно свободен.

ШАВА 1

— Ты такая, такая...

Он долго подыскивал слова, даже хныкал потихоньку. То ли сердился на собственное красноречие, точнее, на его отсутствие, то ли просто надоело стоять вот так и что-то говорить попусту. Ничего в итоге так и не придумал и со вздохом закончил:

— Ты такая дура, Лялька!

— Меня зовут Ольгой, — напомнила она.

Глаза заволокло каким-то туманом. Сейчас она вообще ничего не видела. Стояла у окна в ясный декабрьский полдень и ничего не видела. Может, она и ослепла от этого ледяного света, заливающего улицы и делающего все вокруг одинаково белым и безликим? Или она ослепла от горя? От горького горя, которое случилось у нее в яркий воскресный полдень за три недели до главного праздника в году.

А что у нее случилось?

А то и случилось. Ее Вадик...

Ее необыкновенно милый, внимательный, нежный Вадик решил ее бросить. И сказал ей

об этом после того, как они полтора часа с утра провели в постели отнюдь не за чтением книг. После того как позавтракали. После того как собрались прогуляться, может, сходить в кино или в боулинг.

И вдруг...

И вдруг он, уже надев куртку, швырнул куда-то в сторону перчатки. Встал, привалился задом к входной двери и буднично так, спокойно произнес:

— Все. Не могу больше.

— Что не можешь?

Она ничего не заподозрила, потому что он говорил совершенно спокойно. Она продолжала застегивать молнию на длинном, тесном в голенищах сапоге. И даже глаз на него не подняла.

— Не могу больше с тобой, Лялька.

— Сейчас, Вадик. Извини.

Она поняла его по-своему. Решила, что его раздражают затянувшиеся сборы.

— Эти дурацкие сапоги. Не надо мне было их покупать.

— Сапоги ни при чем, — вздохнул он, — сапоги отличные. Это ты дурацкая, Лялька. И я с тобой больше не могу.

— Что?

Она резко выпрямилась. Кровь отхлынула от лица, собралась густой лужей где-то в области желудка. Ей даже показалось, что там булькнуло. Бред!

— Что ты сказал?

Она произнесла это вслух или просто ше-

вельнула губами? Или ее все-таки затопило той кровавой лужей, которая хлынула в душу?

— Я уйду от тебя, Лялька. Уже собрал вещи.

И он!..

И он так сладко ей улыбнулся! Как будто бы говорил ей о чем-то невероятно приятном.

— Ты собрал вещи?

— Да.

— Но когда?

Она точно помнила, что вчера вечером все лежало на полках. Все его трусы, носки, майки и свитера. Все было на месте, она точно это знала, потому что относила ему в ванную свежее белье, которое он, как всегда, забыл взять.

— Но когда ты успел собрать вещи, Вадик?

Она все еще думала, что это шутка такая. Пусть злая, пусть неуместная, но шутка!

— Собрал вещи, пока ты красилась. — Он равнодушно пожал плечами и даже улыбнулся. — Ты сама знаешь, сколько времени у тебя это занимает.

Потом...

Что было потом? Кажется, она пошла из прихожей в гостиную в одном сапоге, который все же успела застегнуть. Упала в дорогое кожаное кресло, которое отец купил в подарок перед самой смертью. Съежилась, прижала руки к животу: внутри разом разболелось все. Как будто ее ранили ножом. Как будто долго избивали.

Попыталась заново повторить про себя все его слова. Повторила. Выходило очень гадко. И она, конечно, не смогла промолчать.

— Ты понимаешь? — Она подняла на него глаза, и этот взгляд его, видно, напугал, потому что он резко отвернулся.

— Понимаю. — Он вяло дернул плечами. — Но ничего не могу с собой поделать. Ты такая...

Потом он сказал, что она дура, что ему с ней тяжело. Что он дико устал под нее подстраиваться. Он хочет легкости и непринужденности. А с ней так не получается.

Оля к тому моменту уже выбралась из кресла. Стала к нему спиной и слепла от невероятно белого света за окном.

Вадик говорил недолго. Внезапно затих, вышел из комнаты. А через минуту с демонстративным грохотом швырнул ключи на столик под зеркалом и хлопнул дверью.

— Вот и все, — шепнула Оля белому свету за окном. — Вот и все. И его в моей жизни больше нет.

Кажется, те же самые слова она произнесла, когда умер отец. Внезапно умер, нелепо. И так же, как тогда, ее всю залило ослепительным светом.

Потом она странным образом прозрела и увидела, как из подъезда выходит Вадик и медленно шагает прочь. Левая рука в кармане куртки, в правой — сумка. Идет и тихонько ею помахивает — туда-сюда, туда-сюда. Походка неспешная, никакой суеты и нервозности. Даже с высоты ее седьмого этажа видно, что он выглядит удовлетворенным и если не счастливым, то не расстроенным точно.

Вот он остановился, потопал, потряхнул снег

с ботинок. Левый немного пропускал влагу с внутренней стороны, возле большого пальца. Потом задрал голову, нашел ее окна. Вытащил из кармана левую руку и помахал. Ей помахал! И улыбнулся. Оля могла поклясться, что он улыбнулся.

— Сволочь! — крикнула она. И зачем-то добавила: — Чтоб ты сдох!

У Вадика такого в планах точно не было. Минуты через две, не больше, ослепительно улыбаясь ее окнам, во двор въехал вишневый внедорожник. Остановился возле ее бывшего парня. Вадик влез на пассажирское сиденье рядом с водителем. И они уехали.

Кто был за рулем, она, конечно, не видела с высоты седьмого этажа. Но почему-то казалось, что это должна быть женщина. Высокая, красивая, уверенная в себе, с легким характером и непринужденным отношением к жизни. Короче, полная ее противоположность. Та женщина, которая сделает Вадика счастливым. И которая, судя по всему, у него давно имелась в запасе.

Оля еще долго стояла у окна. В теплой юбке, теплом свитере, черных шерстяных колготках и одном сапоге. Ей становилось то жарко, то холодно. То невероятно больно, то на удивление безразлично. Свет за окном менялся — из пронзительного белого превращался в серый. Скоро серые краски станут гуще, темнее, наступит ранний декабрьский вечер. А она все стоит, не двигаясь, у окна — несчастная, брошенная, в одном сапоге. Видно, Вадик был прав, когда называл ее нелепой. Она нелепая и смеш-

ная. Глупая и какая-то неправильная. Другая непременно закатила бы истерику, потребовала объяснений. Попросила бы дать им двоим еще один шанс. А она что?

Она вместо таких вот логичных действий только и смогла, что съежиться в кресле и замолчать. Слушала и молчала.

Нет, он прав: она дура.

Серый свет за окном сделался густым, плотным. Скоро зажгутся фонари. А она только сейчас вдруг вспомнила, что не вымыла посуду после завтрака. Так же, не раздеваясь, в одном сапоге побрела на кухню. Долго прибирала, тщательно вымывая все следы Вадика.

Пепельница с одним окурком? В ведро! Весь пепел в ведро вместе с пепельницей, хоть она сама ее покупала!

Чайная пара дорогого коллекционного фарфора, ее подарок к прошлому Новому году? Туда же — в мусор! И плевать, что дорого. Плевать, что могло пригодиться.

Ей не могут пригодиться в будущей жизни никакие следы прошлого. Никакие! Так, кажется, говорил ее отец, которого она знала совсем недолго.

Он внезапно появился в ее жизни и так же внезапно исчез. Но за то время, что они провели под одной крышей, он намудрил — на сто жизней хватит.

Оля, если честно, иногда даже уставала от его многочисленных советов и афоризмов. Но молчала. Терпела внезапно объявившегося па-

пашу, потому что к тому времени успела осиротеть дважды.

Первый раз — когда на ее пятнадцатилетие умерла мама, проболевшая большую часть жизни. Второй раз — когда умерла бабушка, от старости и болезней. Оле было тогда двадцать два года. А папаша заявился аккурат к ее двадцать пятому дню рождения и заявил, что поживет у нее немного. Потому что очень любит свою дочь, потому что переживает за нее. И еще потому, что ему негде пока жить.

Они стали жить вместе. И неплохо стали жить, кстати. Отец заботился о ней: возил на своей машине на работу, иногда встречал, когда она задерживалась. Часто баловал, покупал подарки. Потом заставил сдать на права и ездить на его машине. Оформил ее на Олю. Сделал в квартире, доставшейся Оле от бабки, недешевый ремонт. Обставил все три комнаты, плюс кухню и прихожую. Дорогой, добротной мебелью обставил. Откуда он брал деньги, если нигде не работал и ничем не занимался, Оля не знала. Но от вопросов воздерживалась — знала, что правду не услышит. А потом...

А потом в ее жизни появился Вадик. Вернее, сначала появился на фирме, где она работала, а потом уже стал частью ее жизни.

Он красиво ухаживал, был внимательным, трепетным, нежным, терпеливым. Познакомил Олю со своими родителями и настаивал на знакомстве с ее отцом. Она как могла оттягивала этот момент, поскольку совершенно ничего не знала о своем папаше и его реакцию предуга-

дать не могла. Но однажды сдалась под натиском Вадика и привела его в дом.

Все сразу пошло не так. С порога! Когда Вадик протянул руку отцу, тот сделал вид, что не заметил. Вадик тогда тоже сделал вид, что понял, будто бы отец попросту не заметил ладонь, протянутую для рукопожатия. Разделся, прошел в гостиную и завел пустой светский разговор об инфляции и политике.

Оля была уверена, что он несет полную чушь. Лучше бы молчал. Тем более что с каждым словом отец становился все мрачнее. Чаепитие, которое она организовала, походило на поминки. Вадик уставился в свою чашку и тоже наконец замолчал. Отец не сводил с него пристального взгляда, а к чаю и сладостям даже не притронулся. Оля переводила глаза с отца на жениха и обратно. Никогда еще ей не было так неуютно в собственном доме.

Вадик в тот вечер поспешил уйти и больше в их доме при жизни отца не появлялся.

Отец же, как только за Вадиком закрылась дверь, первым делом спросил, где она откопала этого суслика. Да-да, так и сказал: суслика.

— Папа! Я попросила бы тебя..

Она принялась покусывать губы, чтобы не наговорить лишнего. Этот прием ее всегда выручал. Убрала со стола посуду, мыла ее долго, специально производя как можно больше шума. Сердито хмурясь, вытерла блюдца из чайного сервиза, который купил отец. Сам он стоял тогда у двери, привалившись к притолоке, и смотрел на нее не отрываясь. А потом сказал, что она

очень похожа на мать, когда злится. Что такая же красивая. И что он никому не даст ее в обиду. Никому, тем более каким-то сусликам.

— Пока я жив, ты под моей защитой, детка, — изрек и удалился в комнату, которая когда-то была спальней мамы.

Оля даже не успела спросить, почему они с мамой расстались. Что такого между ними могло произойти? Надо же, он до сих пор считает ее мать красивой. Но что тогда? Что помешало их счастьем?

Она решила с ним серьезно поговорить, раз момент выдался такой подходящий. Уже подошла к его двери и даже занесла руку, чтобы постучать. Но...

Но не постучала. Потому что отец разговаривал по телефону. Грубо, гадко, страшно! Она резко опустила руку, отпрянула от его двери, попятилась и поспешила скрыться у себя. Хотелось как можно скорее забыть все эти странные слова, о значении которых она даже боялась догадываться.

Кажется, это называют воровским жаргоном?

ШАВА 2

Он отчаянно мерз на сильном ветру и сейчас ругал себя за легкомыслие. Он очень себя любил и редко когда бывал собою недоволен. Но именно сегодня себя стоило ругать.

К обеду улицы неожиданно выстудило, столбики термометров опустились до минус двадца-

ти. Ближе к концу дня вдруг подуло с севера и ветер погнал поземку по сугробам. В девять вечера город трещал от холода. Так, во всяком случае, ему казалось, пока он шел от автобусной остановки.

Отвратительно взвизгивал снег под ногами. Жалобно скрипели кожаные подошвы его дорогих, неуместных по такой погоде ботинок. Тонкий капюшон модной куртки не спасал. Сейчас этот капюшон задубел и гремел, как стеклянный.

Надо было одеться теплее. Надо было подумать, что придется идти пешком от остановки до нужного дома. Не исключено, что его не захотят встретить, как это уже бывало не раз. Не так уж далеко, но на таком холоде каждый метр — один к десяти.

«Странно все как-то», — вдруг забилося в голове, когда он уже прошел пару кварталов. И этот звонок, который отвлек его от важного занятия: он пересчитывал деньги и планировал жизнь на ближайшие полгода-год. И встреча, которой в принципе не должно было быть. И вопрос, который им предстояло обсудить, тоже казался глупым и надуманным.

А может?..

А может, это ловушка?

Он неожиданно сбавил шаг, а через пару метров и вовсе остановился. Покрутил головой, оглядывая ночную улицу. Пустынно, неудобно, темно. Чем не место?

Сделалось не по себе. Он бегом бросился к ресторану в паре десятков метров отсюда.

Влетел на крыльцо, толкнул дверь, ворвался в теплое ресторанный нутро. Вкусно пахло кофе и дорогими духами. Он где-то слышал, что рестораторы сейчас вбаживают безумные деньги, чтобы в их заведениях пахло как-то так по-особенному. Он верил и не верил. Вот этому владельцу зачем такие траты? Бар при входе, огромная кофейная машина пыхает паром. Аромат кофе и без того проникает во все уголки. Плюс много нарядных барышень, вкусно пахнущих. Какая нужда тратиться на отдушки?

Он бы не стал, решил он, усаживаясь у барной стойки. Заказал двойной капучино. Да, он был бы рачительным хозяином. Лучше вложить деньги в персонал. У него такого нерасторопного бармена точно бы не было.

— Ваш кофе. — Молодой человек вежливо улыбнулся и пододвинул ему пузатую белую чашку на блюдце.

— Спасибо, — недовольно пробормотал он.

Схватил чашку, с удовольствием втянул густой аромат. Это именно то, что ему сейчас нужно. Глоток обжигающего крепкого кофе с молочной пенкой. И время. Время все как следует обдумать.

Итак.

От заказчика, с которым, кажется, они обо всем договорились, неожиданно позвонили и назначили встречу. В десять вечера. У заказчика дома.

Так не бывало никогда. И не должно было быть. Почему он повелся? Почему поддался соблазну еще раз встретиться с ним? Они же

обо всем договорились. Все решили, расставили точки над *i*. Зачем снова?

Или это был не заказчик, а кто-то другой? Тот, кто?..

— Черт! — Он вдруг отчетливо понял, в какую западню попал.

Поставил чашку на стойку. Достал телефон и, наплевав на категорический запрет, набрал заказчика. Тот долго не отвечал. Потом наконец раздалось недовольное:

— Разве мы не все выяснили в последнюю встречу?

— Д-да, извините, — заикаясь, зачастил он. Он уже понял, что не ошибся: это действительно ловушка. — Просто... Просто мне позвонили от вас и назначили встречу.

— От меня? Хм. — Недолгая пауза, а дальше на том конце осторожно поинтересовались: — Ошибки быть не могло? Точно от меня звонили? Ты узнал моего человека?

Узнал ли он? Кажется, да. Или ему только показалось, что узнал? Господи, он влип. Он, все знающий об осторожности и давно для себя решивший, что удача на его стороне, он попался? Влип?

Признаваться не хотелось. Он ответил как можно тверже:

— Скорее да, чем нет.

— Так вот, юноша! — Собеседник повысил голос. — Никто из моих людей тебе не звонил и не назначал встречу. И я, разумеется, не звонил. Зачем? Разве мы не выяснили все в последний раз? Совет хочешь?

— Разумеется.

Он будто ослеп, когда попытался нашарить чашку с остывающим кофе.

— Присмотрись к своему окружению. — Собеседник хихикнул. — И почаще оглядывайся, юноша! Бывай.

Он оглядывался, пока шел от ресторана к остановке. Оглядывался чаще, чем требовалось. Поэтому и не рассмотрел человека, который вдруг выступил из темноты и преградил ему дорогу.

— Привет, — тихо поприветствовал его этот человек и даже протянул руку в перчатке.

Он ответил и тоже протянул руку. Также в перчатке.

— Торопишься?

— Да-да, извините. Давайте не сегодня, хорошо?

— А не надо торопиться, — посоветовал тихий недружелюбный голос. — Все беды от спешки, поверь. Кто-то торопится стать известным, кто-то богатым, кто-то просто торопится жить. Ты себя к какой категории относишь?

— Что? Извините! — Он приложил руку к груди, в которой испуганно бухало сердце. — Мне правда дико некогда!

Кажется, у него перемерзло горло, когда он попытался быть вежливым. Слова выходили неуверенными, голос казался скрипучим. Или это снова скрипит снег под подошвами его тонких модных ботинок? Он начал обходить этого так некстати подвернувшегося знакомого незнакомца. Ему правда сейчас не до того. Ему на

остановку, которая вот-вот покажется из-за угла.

— А я вот отношу тебя к категории дураков, которые решили, что могут усидеть на двух стульях. — Незнакомец как будто и не слышал его, даже пошел рядом. — Дураки думают, что могут одурачить всех вокруг. Двойным агентом себя возомнил, парень? Захотел урвать сразу с двух лопухов? Так ты нас называешь? Считаешь в своей келье наши деньги и ржешь?

Он даже ответить ничего не успел. Даже подумать не успел — отвлекся. Неосмотрительно отвлекся: наконец показалась автобусная остановка, и до нее было метров тридцать-пятьдесят, не больше. И там были люди!

Он ничего не успел. В голове как будто что-то разорвалось от странной неожиданной боли. Ноги подогнулись в коленях. Он упал, зарываясь лицом в снег. Хотелось и голову спрятать в сугробе, только бы защититься от ударов, которые сыпались один за другим. Один за другим, один за другим...

ШАВА 3

Оля не могла понять, чем так прогневала небеса. Что такого гадкого и подлого она могла совершить за свою недолгую жизнь? Несколько дней перебирала воспоминания, добралась до выпускной группы детского сада — все безрезультатно. Все ее дурные поступки можно было пересчитать по пальцам. И не было среди них